

A watercolor illustration of a man with dark hair, wearing a green long-sleeved shirt, floating in a blue sky. He is holding a string attached to a yellow balloon. To his right, a large green balloon is visible. In the upper left, there are smaller balloons in shades of blue, green, and yellow. The background is a textured blue wash.

Дмитрий Ахтамов

История начинается

Часть I

A watercolor illustration of a woman with long brown hair, wearing a red dress, floating in a blue sky. She is holding a string attached to a purple balloon. The background is a textured blue wash with some purple and white highlights.

Дмитрий Ахтамов

История начинается. Часть I

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21126744

ISBN 9785448315732

Аннотация

Перед вами несколько сотен страниц экспериментирования. С формой, словами, смыслами и сюжетами. Вы увидите множество лоскутков разноцветных текстов, которые, объединяясь, становятся одной большой Историей. Я приглашаю вас в мир моих экспериментов. Волнуетесь? Я очень! Но раз книга оказалась перед вами – почему бы нам вместе не попробовать? Ведь История-то только начинается!

Содержание

Добро пожаловать, дорогой читатель!	6
Благодарности	9
Проза	11
Истории про девочку Соню	11
От автора	11
Паучок	11
Ошибка	13
Соня на кухне	16
Супер-мама	20
Новая питомица	21
Страх	25
Спорщики	27
История о знаках	29
Да ну вас с вашими непрямыми смыслами	32
А ты умеешь читать буквы?	34
Лиса и Дятел	35
Встреча	37
Моя Сказка	46
Рождественская история	50
Шутник	54
Бутерброд	58
Лето пришло!	62
Человек, который распускает крылья утром	64

на рассвете	
Идёт экзамен	66
Мы смотрим друг другу в глаза	68
Давайте	69
Пловец	70
Земля была суха	72
Попрыгун	73
Надежда на горе	75
Кадр из	77
Кто такой Максимилиан Волошин?	79
Одни	83
Грустно осознавать, что всё имеет конец	85
Небо	86
Тёмное	87
Мальчик	89
Конец ознакомительного фрагмента.	92

История начинается

Часть I

Дмитрий Ахтамов

© Дмитрий Ахтамов, 2016

© Юлия Ширяева, иллюстрации, 2016

Редактор Татьяна Викторовна Фоминых

ISBN 978-5-4483-1573-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Добро пожаловать, дорогой читатель!

Перед вами несколько сотен страниц экспериментирования. С формой, словами, смыслами и сюжетами. Вы увидите множество лоскутков разноцветных текстов, которые, объединяясь, становятся одной большой Историей.

Для удобства чтения я решил разделить книгу на две части. Каждая часть включает два раздела, тексты в них расположены в хронологическом порядке (за исключением случаев, когда мне показалось логичным объединить их следуя другим принципам, например, рядом я поместил все небольшие миниатюрки-сценки).

В первой части «Истории...» собраны проза и поэзия.

Не люблю писать длинную прозу, разве что блинную... но на блинную не хватает времени, потому большинство представленных в этом разделе произведений невелики (однако, несколько крупных «блинчиков» вы там всё-таки найдёте). Философские и романтические, иронические и юморные: приятно, если они вызовут у вас самые разные чувства.

Гармоничное сочетание смысла и формы – вот что мне кажется важным в поэзии (и я, к счастью, не одинок). Именно в поисках этого сочетания я и пребываю. Порой, мне, как будто, удавалось почувствовать близость «Его», но это

всегда оставалось едва осязаемым прикосновением шёлковой ткани. Посему я лелею надежду, что, хотя бы, пара строф из нескольких стихотворений после прочтения останется с вами.

Во второй части книги обитают несколько диковинные жители – Футуфанты, а компанию им составляют «сестры таланта».

Футуфантами я назвал короткую игровую прозу и стихи для детей (и взрослых детей) – яркие по ритму, форме, часто не несущие глубокого смысла, однако (вы не подумайте!), осмысленные. Говорят, что родители любят своих детей одинаково: не знаю, как там с детьми, но из всего, что я написал, Футуфантов я люблю больше всех! Весёлые, резвые, непосредственные, немного наивные и такие живые. Да что я говорю? Сами прочитайте!

И, наконец, в четвёртом разделе живут тексты из моей записной книжки. Там вы найдёте мысли, идеи, размышления, что возникают в голове между написанием произведений, размером превосходящих пять коротких предложений. Короче говоря, под конец книги, я буду краток.

Итак, я приглашаю вас в мир моих экспериментов. Волнуетесь? Я очень! Но раз книга оказалась перед вами – почему бы нам вместе не попробовать? Ведь История-то только начинается!

Екатеринбург, август 2016

Буду рад вашим отзывам и комментариям!

Ими можно и нужно делиться с помощью электронной почты: **dmitry.ahtamov@ya.ru**

Кстати, новые тексты вы можете читать: **stihi.ru/
avtor/dima41**

Благодарности

Почти всегда (за исключением случаев с гениями-отшельниками) есть люди, что сопровождают, окружают тебя, вдохновляют тебя и, да, верят в тебя. Даже когда ты уже не веришь. Я счастливый человек – у меня есть такие люди.

Глубоколюбимой мною Наталье Биглер – доброму другу, множество раз вытаскивавшей меня из глубин моих апатичных мысленных скитаний и не раз вдохновлявшей меня. Елене Назиповой за веру в литературу и меня, и меня в литературе. Андрею Рogaцкину за обсуждение, соучастие и сотворчество. Маргарите Беляниной за любовь к Антону Павловичу, за увеличившееся количество книг про него в моей библиотеке и, конечно, за замечательную вышивку. Моим первым благодарным слушателям – О. Н. Звездиной, Н. Ядаковой А. Е. Быковой, Е. В. Дусье (отдельная благодарность за помощь в наборе текстов). Соне Меламед – за поддержания литературного духа в психологическом царстве.

Моей большой семье, которая, какие бы ситуации мы не переживали, принимает, поддерживает и верит в меня – маме Елене, папе Игорю, брату Грише, бабушке Татьяне, сестре Юле, сотворившей замечательный рисунок для обложки; двоюродному брату Ване, вдохновившему меня на несколько ранних произведений. Так, однажды, мы воз-

вращались из сада и высадили бабушку с Ваней на остановке, с которой они могли доехать до своего дома. Тогда Ване было года два-три.

Вот стоят на остановке двое
и машут нам вслед,
А мы уезжаем всё дальше
и лето уходит во век.
Улыбку мальчишки стоящего
запомню я навсегда!
Жаль, что мысль настоящего
имеет власть забытья!

И, наконец, открою вам секрет: создание меня как автора и создание этой конкретной книги связаны, на самом деле, с одним человеком – человеком, всё это время верящим в меня, дававшим ценные филологические советы; человеком, оказывавшем всеобъемлющую моральную и психологическую поддержку и неустанно занимавшемся (и даже когда устанно всё равно занимавшемся) редактурой и корректировкой текстов, – Татьяной Викторовной Фоминых. Без Татьяны Викторовны этой книги не было бы. Ни больше ни меньше.

Друзья, мы много прошли за эти 5 лет, с тех пор когда в мае 2011 я создал первый эскиз обложки наметившейся книги, пора, наконец, сделать следующий шаг.

Проза

Истории про девочку Соню

От автора

В одном городке, возможно, и в вашем или в моём, живёт вот такая девочка: выдумщица, проказница. Даже, наверное, в каждом городе, посёлке или деревне есть похожие люди. И я вам скажу больше: в каждом из нас живёт такой человек, только не все это показывают, не все разрешают себе быть такими.

Один раз я решил записать стишок про паучка и придумал к нему историю «Паучок» про девочку Соню и её друзей. Жизненные ситуации, которые я описываю, действительно происходили, ведь они случались со мной, возможно, не все, но многие.

Паучок

Соня сидела на табуретке около стола и смотрела в уголок на паучка, который плёл паутину, и у неё сплелось вот такое четверостишие:

Паутинка у меня,
Паутинка не моя,
Паутинка паучка,
В уголке висит она.

Она с радостью повторила его несколько раз, чтоб запомнить, а потом побежала рассказывать маме. Мама была на кухне и мыла посуду. Когда она услышала стишок, то очень обрадовалась и посоветовала его записать.

Девочка, топоча, побежала по коридору в комнату, так что только пятки сверкали. А мама вздохнула:

– Бедные соседи снизу!

Соня добежала до комнаты, взяла бумагу и фломастер, и начала писать:

– Поу-ти-нка... нет, похоже, не так. Мам! – раздалось на всю квартиру так, что аж стены задрожали. – Как пишется слово «паутинка»: «па» или «по»?

– Па, – раздалось из кухни.

– Спасибо, – удовлетворённо сказала Соня себе под нос.

– Что? – не поняла мама. – Что ты сказала?

– Я сказала: «Спасибо!» – закричала изо всех сил девочка. – Спасибо!

– Я слышу, не глухая, – ответила мама. – И не надо так кричать! А то я сойду с ума от твоего крика!

Соне категорически не хотелось, чтоб мама сходила с ума, а то у подруг будут нормальные мамы, а её мама будет сума-

сшедшая! Нет, этого абсолютно нельзя было допустить! Чтоб лишний раз не краснеть, а то вдруг мама будет нести всякую чепуху! Так что лучше извиниться, и она сказала:

– Извини, мамочка!

– Что, что? – не расслышала мама.

– Да так, ничего особенного, – обиделась Соня, а про себя подумала: «А говорит, что не глухая! Ох уж эти взрослые! Говорят одно, а делают совсем другое».

Ошибка

«...Не считаете ли вы это подрывом демократического строя, и каков, по вашему мнению, будет уровень инфляции на следующий год, а на сколько поднимется ВВП?», – орал на всю квартиру телевизор. Папа Сони сказал, что ему очень важно посмотреть эту передачу, и попросил не шуметь.

В кои-то веки из квартиры Биркиных доносится не детский крик, а разная белиберда из телевизора, которую вместе с папой девочки слушает весь подъезд. Соня уже лежит в кровати и пытается заснуть, но ей мешает дурацкий железный ящик.

Она попробовала считать слонов, потом баранов, потом лошадей... Когда Соня, на её взгляд, пересчитала всех животных, то обнаружила, что летит на сером тумане или облаке, ну, в общем, она летела точно!

– Куда это я лечу? – подумала девочка. И тут её охватил

такой страх: Соня вспомнила, что боится высоты! Вцепившись в то, на чём летела, она стала кричать, что было мочи:

– Снимите меня отсюда! А-А-Й!!! Мамочка! – вскрикнула она, когда её воздушный корабль тряхнуло от порыва ветра.

– И всё же, над чем я лечу? – спросила Соня сама у себя. Узнать это, казалось, не трудно – надо было просто выглянуть за пределы тучки. К этому моменту девочка опять забыла, что боится высоты, и без труда выглянула за борт. Под ней неслись дома, машины и дороги.

– Что это такое? А... это, наверное, сон, – догадалась Соня.

– Тогда надо себя ущипнуть, и я сразу проснусь.

Она со всей силы вцепилась ногтями правой руки в левую руку и так закричала от боли, что у неё самой уши заложило. Она кричала, но хватку не ослабляла, надеясь, что вот-вот проснётся. Но усилия оказались напрасными, к тому же она раскровенила руку. Боли Соня не чувствовала, и ранка скоро зажила.

– Наверное, это волшебный сон, – подумала она.

И тут перед Соней появилось изображение какой-то старушки, которая спросила девочку:

– Как тебя зовут?

– С-Соня, – со страхом в голосе ответила Соня. – Но, вообще-то, меня зовут Сонет Ибн Сахат Лумн Кёкса Вторая, – соврала она.

Соня это сделала затем, чтобы старушка не отобрала её

имя, а потом не послала работать на рудники. Именно это случилось с главной героиней фильма, который недавно смотрел папа.

– Ясно, – усмехнулась старушка. Так что, Ибн Сахат, не хочешь ли ты отведать конфет? – и она протянула Соне коробку.

– Спасибо, – сказала девочка, принимая конфеты. – А ты кто такая? – с набитым конфетами ртом спросила Соня.

– Я? – удивилась старушка, – я твоя совесть.

– Моя совесть? – недоуменно переспросила девочка. – А почему ты такая старая?

– Потому что я совесть!

– Ну и что?

– А то, что совесть появляется гораздо раньше человека!

Соня присвистнула.

– Что ты свистишь? – спросила совесть.

– Да я тут прикинула, сколько лет маминой совести.

– А-а, – понимающе протянула старуха.

– Послушай, совесть, а я что, умерла, раз ты ко мне явилась?

– Нет, нет! Что ты, Соня, – рассмеялось изображение. Я просто пришла сказать, что разговаривала с совестью твоей мамы, и она просила передать, что ей очень совестно.

– За что? – не поняла Соня, – вроде бы мама ничего мне плохого не делала.

– За то, что она не устроила тебе празднование дня рождения, когда тебе исполнилось одиннадцать лет.

– То есть как одиннадцать?

– Ну, тебе же сейчас одиннадцать, правда?

– Нет, мне шесть!

– Как шесть? Этого не может быть! Ой, боже! На пять лет промахнулась, вот память.

– То есть как на пять? – не поняла Соня.

Но совесть не ответила ничего и испарилась.

Соня открыла глаза: за окном уже светило солнце. Она встала и побежала к маме.

– Мама, – строго спросила девочка, – почему ты не сделаешь мой день рождения, когда мне будет одиннадцать?

– Не знаю, – удивилась мама.

– Это хорошо! – обрадовалась Соня. – Значит, ты его сделаешь!

Соня на кухне

День был просто замечательный, настроение супер! Солнце светило ярко, поблёскивая на водной глади городского пруда. Соня сидела у себя дома за столом и рисовала.

Вначале она рисовала хомячка, потом это стало больше походить на опоссума, ну а к концу работы у девочки вышел скуснс. Правда, он был не бело-чёрный, а оранжево-бело-коричневый. Это произошло из-за того, что в коробке с фло-

мастерами не оказалось чёрного, а его заменил коричневый, белый остался белым, а вот оранжевый попал на лист случайно, хотя, если ещё раз пересмотреть ход работы, то цвет попал туда, как выразилась Соня, чтоб разрядить коричнево-белую обстановку.

Закончив работу над своим шедевром, Соня как воспитанная девочка сложила фломастеры в коробку и положила на полку. Рисунок же она хотела показать маме, но тут же вспомнила, что мама ушла по делам, и что она, Соня, в доме одна. Первый раз!

– Ну, ничего! Покажу потом, а лучше повешу рисунок на входную дверь, – осенило Соню. Девочка взяла скотч, ножницы и пошла на лестничную площадку. Она повесила рисунок и тут решила, что надо сделать надпись, а то вдруг мама не поймёт! Быстро справившись с заданием, она посмотрела на проделанную работу. Получилось красиво: на чёрной однородной двери висел красивый разноцветный скунс. Но тут Соня заметила один недостаток: у скунса не было хвоста!

– Что же делать? – подумала Соня.

Немного поломав голову, она решила:

– Ничего не делать! Да! Точно! Ничего не делать!

Ещё раз взглянув на дверь, девочка пошла в квартиру.

Соня села на диван и огляделась: «Чем бы ещё таким заняться?» Как назло, в голову ничего не приходило. Соня посидела ещё немного и порядком заскучала, когда её осенило:

ведь мама-то вернётся голодная, и ей захочется поесть, а готовить – ясно дело – нет... А дальше мысль в Сониной голове развивалась со скоростью в несколько лошадиных сил:

– Лучше я сама что-нибудь приготовлю! – решила Соня. – Борщ! Да, борщ!

И она уверенно зашагала на кухню. Тут же с кухни послышался грохот – это Соня искала подходящую кастрюлю для борща.

Убрав все осколки тарелок, девочка, как ни в чём не бывало пошла в кладовую за овощами. Вытряхнув из мешков их содержимое, она стала доставать из кучи овощей картошку, свёклу и лук – главное содержимое борща, так, по крайней мере, считала Соня. Вернувшись на кухню, Соня стала чистить картошку. Не почистив и полкартошины, она покончила с этой мучительной затеей и побросала овощи не почищенными, но зато помытыми.

Так же Соня поступила с луком и свёклой. Когда суп уже стоял на плите и испускал ароматы, – правда сказать, не совсем приятные, – Соня вспомнила, что забыла мясо, но мяса в морозильнике не оказалось, а была только рыба. Недолго думая, Соня затолкала в кастрюлю и рыбу. После этого она посолила суп, добавила разных приправ, которые нашла в шкафу, и если не считать того, что с солью она малость переборщила (случайно перевернула солонку, и её содержимое: буль, буль), то суп получился хорош. В этот момент

как раз подросла мама – в замочной скважине послышался скрежет ключа. Соня как ошпаренная сорвалась с места и побежала к двери. Через секунду или две в дом зашла мама и не успела сказать ни «здрaсте», ни «до свидания», как Соня уже спросила:

– Как тебе мой рисунок, мамочка?

– Это тот, на котором написано «Это ты, мама»? – с обидой в голосе спросила мама.

– Нет. Это тот, на котором написано «Это тебе, мама»! – удивлённо ответила Соня.

– Там не может быть написано то, что там не написано! – заупрямилась мама.

– Нет, не может! – подтвердила Соня. – Вот я и говорю: там не может быть написано «Это ты, мама», если там написано «Это тебе, мама».

Но мама уже ничего не слышала, она причитала:

– И это после того, как я её кормила, поила, и вот благодарности! Я! Скунс бесхвостый! Но тут мама почувствовала, что с кухни чем-то пахнет.

– А что у тебя там? – подозрительно спросила мама.

– А это я суп готовлю, борщ! – сообщила ей Соня.

– Правда? – испугалась мама. – Золотце, скажи, что это не правда! А?

– Это правда, – подтвердила девочка.

– О, боже, за что мне это? – вскинула руки мама. И пулей помчалась на кухню, а Соня так и осталась стоять на месте,

не понимая, что происходит. И тут с кухни донёлся вопль:
– Соня, ты что наделала!
– Понравился! – с облегчением подумала девочка.

Супер-мама

– Оказывается, магазины очень удобная штука, в них можно купить практически всё, особенно в гипермаркетах, – сообщила маме Соня.

Последнее слово она выговорила с трудом и теперь обдумывала, правильно ли сказала, потому что никакой реакции от мамы не последовало. Когда Соня убедилась, что всё сказано верно, то устала на маму.

– Откуда ты это узнала? – с интересом спросила мама.
– Я? – переспросила Соня.
– Да ты, – подтвердила мама.
– Я это узнала из телепередачи.
– А-а! Как называется?
– «Домашние заботы» с Кирой Кифириной, только на канале «Россия», – начала, как в рекламе, тараторить Соня.
– Ужас, в программе «Домашние заботы» разговаривают о магазинах! – возмутилась мама.

Но дочь этого уже не слышала, она пересказывала рекламу, и как раз в этот момент дошла было до рекламы зубной пасты, как мама её остановила:

– А пошли прогуляемся? Заглянем в кафешку, как это

сейчас говорят: оттянемся по полной! – заманчиво проговорила родительница.

Дочь сразу остановилась и спросила:

– Мама, что это ты удумала? Забыла, у тебя и целлюлит, и гастрит, и склероз, и ещё полный наборчик! – Соня перечислила все болезни, о которых слышала в рекламе.

– Ну, ну, притормози, дитя двадцать первого века. Твоя мать ещё покруче этого... как его? А! Швалькенцера! – и она стала пританцовывать на месте, крутя всеми частями тела, и с каждой минутой всё больше набирая обороты.

– Да, я вижу, – сказала дочь и ахнула: мама переходила на нижний брейк.

– Слушай, рэп-звезда ты наша недоделанная, – рассмеялась Соня, – кухню не разгроми!

Но мама не обратила на это никакого внимания: она зарэповала какую-то песню под свой ритм. Соня уже решила уйти, как что-то щёлкнуло, она повернулась и увидела маму в сложенном состоянии.

– Ну, что? Утолила танцголод?

– Да! – прохрипела мама, – позови папу, быстро!

Новая питомица

– Ух, ты! – восхищалась Соня. – Какие черепашки! Мама, мама, а можно мне одну, а?

– А зачем тебе? – спросила мама.

Сейчас Соня с папой и мамой находились в зоомагазине. Они зашли туда не случайно: бабушка заболела, а у неё две кошки, вот она и попросила зайти в магазин и купить корм, но, естественно, корм интересовал только родителей, а Соне было интересно посмотреть на разноцветных переливающихся рыбок, которые плавали в больших аквариумах. Но когда девочка посмотрела всех рыб, она подошла к большой посудине. В ней плавали маленькие черепашки. И, конечно, как Соне они могли не понравиться: черепашки так смешно шевелили своими маленькими лапками, то выплывая, чтоб подышать, то опять ныряя, когда мимо проходил человек. Когда они всплывали, то смотрели вокруг своими маленькими ясными глазками, как будто всё понимали. Некоторые – самые смелые – выплывали на большой камень посреди площадки, чтобы погреться на свету лампы, висевшей над валуном. Потом черепашки снова прыгали в воду, словно играя. Соня заворожённо наблюдала за этим.

– Как это прекрасно, какие они милые! Ну, мам! Купи одну, – начала канючить девочка. – Ну, пожалуйста!

– Лучше купи, а то не отстанет, – сказал папа, подходя к маме с полным мешком кошачьих консервов.

– Ладно, куплю, – сдалась мама.

Она подошла к продавцу и сказала:

– Здравствуйте!

– Добрый вечер, – отозвался продавец.

– Дайте мне всё, что нужно для содержания черепашки.

Как только мама произнесла эти слова, Соня почувствовала себя самым счастливым человеком в мире, но в то же время она поняла, какую ответственность она на себя берёт, ведь теперь от неё зависит жизнь маленького беззащитного животного с ясными глазками!

Когда Соня, папа и мама ехали в такси, девочка прижимала к себе свою новую питомицу, плавающую в банке, Соня чувствовала, как та волнуется. Девочке захотелось успокоить её, и она прошептала:

– Тихо, успокойся, всё будет хорошо, я Соня.

И черепашка как будто ответила ей:

– Привет.

Когда они приехали домой, то стали заниматься подготовкой аквариума для черепашки: вначале мама помыла с мылом все камни, потом прокипятила их, в это время папа мыл аквариум и разбирался с фильтром, а Соня сидела и рассматривала питомицу. У неё был такой необычный узор: панцирь как у всех «одновидцев» Сбши – так Соня назвала черепашку – был разделён на части, а на этих пластинках были точки, зигзаги, и они составляли замысловатый узор. А сама Сбша была какая-то тёмненькая. Когда мама и папа приготовили тридцатилитровый аквариум, налили туда воду, положили камни и поставили фильтр, их дочка, всё проверив, одобрительно заметила:

– Молодцы, родители, хорошо постарались!

– Спасибо, – рассмеялся папа, – ну, сади!

Соня осторожно подвела ладонь в которой сидела черепашка к воде, и Сбша, сорвавшись с руки, молнией помчалась под фильтр.

– Чего это она? – удивилась девочка.

– Не волнуйся, скоро она привыкнет и не будет тебя бояться! – успокоил девочку папа.

– А-а, это хорошо! – улыбнулась Соня.

...Как приятно после бурного дня лечь в тёплую кроватку и думать, что будет завтра. Ведь завтра обязательно наступит, будет новый, полный загадок и разгадок день!

2006

Страх

Этот дух, появившийся из мрака и тени, пристально посмотрел на меня. Я не выдержал его взгляда и опустил глаза. Он же, наоборот, ещё пристальнее начал всматриваться в меня. Это принесло мне большие муки, все ужасы моей непростой жизни пронеслись перед моими глазами как страшный фильм.

Возникший призрак исторгал невероятную и доселе мной не виданную силу, подчинял меня своей всепоглощающей воле. Этим он просто сразил меня... я упал, я бился в мучениях, я не мог сопротивляться. Его воля сломила, уничтожила мою волю; она сломила меня, как будто невидимая рука: я не мог дышать, сердце вырывалось из груди, бешено стучало, как будто знало: осталось не долго... Холодный пот лился с моей головы ручьями. И вдруг это всё вмиг прекратилось, я перестал чувствовать себя, душа и тело перестали быть едины...

...Наверное, это был конец, я точно не знал, мне это было неведомо. И всё-таки это был конец, я умер, умер! Он! Он сломил меня! Я не устоял. Всё кончено, все страдания кончены. Этот страх оказался сильнее меня. Он победил, он победил...

Но вдруг я вспомнил солнце на чистом синем небе, я вспомнил девушку, которую любил, когда был жив. Её кра-

сивое, нежное лицо, её тёплые и мягкие губы... и тут я понял, что не хочу умирать, – я хочу жить! И в тот самый момент, как я это понял, острый, как клинок, луч тёплого, исцеляющего света ворвался в мою израненную душу, он пронзил тьму, которая безраздельно властвовала в моей душе, и стал изгонять её.

Тут же я понял, что исцеляюсь, что к моей душе возвращаются силы. Она ожила, и вновь я почувствовал, что душа и тело соединились, стали, как и прежде, одним целым, и тело осталось жить на Земле, а душа на небе, но между ними опять возникла нить.

Моё тело стало заполняться светом, спускающимся с небес, и вместе с ним оно обретало силы. Через некоторое время я очнулся и понял, что могу подняться на ноги, и поднялся.

Я встал и огляделся вокруг, около меня стоял страх. Но на этот раз он не был так уверен в себе, даже наоборот – он был в панике: свет окружил его, поглотил и начал проникать в призрака, разрывая его на части. Страх кричал от боли, но ничего не мог сделать, и постепенно он растворялся, распадался на тысячи атомов, а они разлетались кто куда. Он погибал...

Я выжил, я выжил, выжил! Я победил... свой страх...

Спорщики

Зародился свет на солнце, летел, летел, попал в земную атмосферу. Летел сквозь воздух. В луче два фотона – I и II. Они подружились.

Один другому говорит: «Вот ты знаешь, что скоро будет? Мы долетим до поверхности океана, и один из нас отразится, а другой пройдёт в воду. Как думаешь, кто отразится?»

Второй отвечает: «Сто процентов – отразишься ты. Я пройду!»

Первый: «Это с чего это ты взял? Я пройду, а ты отразишься!».

Так спорили они, спорили; летели, летели и не заметили, как подлетели к поверхности воды и... оба отразились.

Некоторое время спустя второй говорит: «Слушай, тебе не кажется, что мы с тобой куда-то не туда летим?»

Первый отвечает: «Да! Дело тёмное. Смотри: наши навстречу летят и тоже спорят. Давай им кричать, чтоб не спорили, иначе тоже пропустят отражение и погружение».

Второй: «Давай на счёт три».

Первый: «Давай!»

Второй с первым хором: «Три! Не спорить, не спорить!!!»

Первый: «Нет! Я кричу!»

Второй: «Мы же вместе договаривались!»

Первый: «А я передумал!»

Второй: «Так нечестно!»

Первый: «Нет! Честно!»

И начали они спорить, кто будет из них кричать другим, чтоб те не спорили...

03.2009

История о знаках

Стоял весёлый солнечный день. В городе Равно́ была обыкновенная будничная суета.

Вот идёт человек, мы не знаем его имени и будем звать его человек Y, навстречу ему идёт другой человек, по незнанию его имени мы также условимся называть его, только не Y, а человек YX.

Часто всё-таки так бывает: идут люди просто **навстречу** друг другу, а получается так, что они в конце концов понимают, что идут **на встречу** друг с другом. Так идут и цепляются: кто языками, кто пятками, кто плечами, а некоторые даже своими пузиками.

В нашем случае идущие навстречу друг другу человек Y и человек YX зацепились – чем бы вы думали? Палочками. Только не простыми, а теми, которые есть у каждой буквы Y. Один – левой верхней, а другой, соответственно, – правой верхней. Вот зацепились – и расцепиться не могут, ругаются и кричат. Один кричит: «Убери свою длинную кривую палочку!». Другой в ответ: «Да ты на свою посмотри!!! Ещё тут что-то говорит! Вы поглядите на него, хех...»

В общем, так кричали, спорили, а расцепиться всё равно не могли.

Каждый отстаивал права своей палочки Y.

Через два часа наступило затишье, и улица, на которой

они сцепились, вздохнула с облегчением. К слову, улица называлась «%».

Ой, сидели они, сидели, и вот им захотелось есть. Первый, Y, говорит второму, которого, как вы, наверно, помните, звали YX: «Слышишь? Эй! Тебя как звать?» И тут случилось то, что случается очень редко, Второго, действительно, звали YX!!! Как это мы с вами угадали???

Как только YX сказал, что его так зовут, находчивый Y с укоризной в голосе проговорил: «Что ж ты молчал-то, а? Возьми свой X, которым ты не зацеплен, и сходи в магазин! Купи еды, я денег дам, да и какой-нибудь детективчик прихвати, а то скучно же сидеть!»

Второй: «И то верно, как это я сам-то не додумался, пойду схожу X-ом в магазин».

И пошёл, сходил. Купил детектив в мягкой обложке, пару булочек и литр сока.

Сели они, там, где и сидели, и стали с аппетитом уплетать булки. Поели. Y взял книжечку, которую YX принёс (точнее, принесла его часть X), и принялся читать. Второй в это время сидел и пел песенку, которую услышал в магазине.

Так прошёл день, наступила ночь, палочки, которыми наши герои были сцеплены, начали затекать. Стало неудобно, да ещё и холодно стало. Y и YX прижались друг к другу, и так им стало теплее – одна беда позади. Но тут, как назло, пришла другая беда: так как луны не было, ночь была тёмная, Y-ку, который начитался детективов, стало что-то

мерещиться... причём довольно навязчиво, навязчиво для УХ. Если б первый сидел, и ему про себя мерещилось, то это ещё куда ни шло, но ведь мерещилось-то ему вслух, причём, на всю улицу. Сперва засыпающий УХ ещё терпел, но потом его терпение начало заканчиваться... и им стало мерещиться вместе...

И ещё мерещиться-то ладно, но тут ещё и дождь пошёл, оба они насквозь промокли, но зато мерещиться им обоим перестало, но стало мокро!!! В общем, с грехом пополам, но к четырём часам ночи им всё же удалось уснуть. Точнее, удалось УХ, а У не мог назвать это сном – второй храпел. Но и У в конце концов заснул.

Проснувшись на следующее утро от того, что вокруг все ходили и галдели, У и УХ были уже лучшими друзьями. Они быстро договорились, как им лучше расцепиться, встали, размяли ноги и пошли по домам – досыпать.

25.03.2009

Да ну вас с вашими непрямыми смыслами

Каждый год, летом, я живу с мамой, моим братом Гришей, сестрой Юлей и бабушкой в саду. Довольно часто нам звонит мамина сестра Яна. Так уж повелось, что звонит она на бабушкин сотовый. Ну а бабушка не всегда может к нему подойти, потому что обычно работает на участке. По этой причине трубку часто беру я.

– А где бабушка? – как всегда спрашивает Яна по телефону, когда я в очередной раз снимаю за бабушку трубку.

– Да у соседки, разговаривает, – отвечаю я.

– Ну понятно: застряла, – громко говорит Яна.

Тут мой четырёхлетний двоюродный брат Ваня, видимо, сидевший рядом с Яной и слушавший разговор, – с изумлением:

– Где она застряла?!

– У соседки, – ничего не подозревая, пояснила Яна.

– А они ей помогут? – восклицает Ваня. В надежде, что нашу любимую бабушку ещё удастся спасти.

– Да нет, она не в прямом смысле застряла, бабушка разговаривает с соседкой.

– Аааа... – успокоился Ванька...

А мог бы возмутиться: «Да ну вас с вашими непрямыми смыслами!»

07/08.2009

А ты умеешь читать буквы?

Этим вопросом озадачил меня мой четырёхлетний двоюродный брат Ваня. Тогда, когда он с интересом показывал мне свою новую красочную книжку «Белоснежка». Я машинально ответил: «Да, конечно». В тот момент такой вопрос меня даже позабавил. «Он ещё маленький, – подумал я. – И то, что человек умеет читать, ему кажется недостижимым просто потому, что он этого пока не умеет». Но потом, когда я шёл с троллейбуса домой, я задумался: «А читать буквы – это то же ли самое, что читать, ну просто читать? И обыденно ли „читать буквы“? Ведь мы читаем слова, из которых состоят предложения. А буквы? Это же не слова! Это то, из чего эти слова состоят. Но никак буквы нельзя считать словами». Это я знал точно.

Конечно, можно решить, что из-за своей неграмотности Ваня и сказал «читать буквы», а имел в виду: «Ты умеешь читать?». Но это смысла вышесказанного не меняет.

Так что же это такое «уметь читать буквы»?...

07.2009

Лиса и Дятел

(басня)

Шла лиса по лесу и смотрела по сторонам. Вдруг видит: на старой берёзе сидит Дятел и бьёт по твёрдой коре своим острым клювом. Лиса, недолго думая, прыг под берёзу и говорит:

– Дятел, а Дятел. А что ты делаешь?

В этот момент на рыжую голову пройдохи посыпались деревянные щепки.

От недовольства Лиса фыркнула и мотнула головой.

– Не видишь, что ли? – удивился Дятел. – Дом для своей семьи строю. А ты что, плутовка, здесь шастаешь? Аль какую пакость опять строишь?

– Что ты, что ты, – хитро ответила Лиса. – Я тут хожу, смотрю, что и как у кого.

– Да ну... – не поверил Дятел.

– Вот решила... – она замолчала. – Войти в курс, принять дела.

– Это что же, ты у нас главной стала?

– Ага, – довольно ухмыльнулась Лиса.

– Ну, удачи тебе. И благодарность – мы хоть будем теперь знать, с кого спрашивать.

От удивления Лиса аж глаза выпучила. Она-то думала, что Дятел начнет протестовать против её самоназначения.

В глупом недоумении Лиса прошептала:

– И что, ты даже не против?

– Нет, а что мне с тобой препираться, ты же не отступишь, раз уже решила.

Такого поворота Лиса даже представить себе не могла. Она-то хотела устроить хороший скандал.

– Ну и дела... – прошептала Лиса. И пошла в лесную чащу.

А Дятел так и остался выдалбливать дупло. Ему этот разговор с Лисой ничем не запомнился.

08.09.2009

Встреча

Шёл 1869 год. Войны с горцами кончились, и мир наступил на азовско-черноморском побережье. И решили мы размять глаза, сменить пейзажи и поехать путешествовать. Наш путь лежал от Азовского моря на юг, а затем вдоль Чёрного моря до города Сухуми.

Мы ехали уже не первый день. И вот наконец на рассвете предстало перед нами Азовское море. Уходящее за горизонт, оно показалось мне самым прекрасным из того, что видел я за всю свою жизнь.

Мои спутники: зодчий Иван Кузьмич, Эриксон Грамм (скандинав по происхождению) и купец Пётр Алексеевич – тоже были очарованы увиденным.

Позабыв вмиг все трудности, которые преследовали нас до того, я убеждался всё больше и больше, что не зря пустился в такое трудное путешествие по югу Российской империи.

Я казнил себя за то, что не взял с собою хороший карандаш и блокнот для хотя бы схематической зарисовки красоты, что видел в дороге.

Первым нашим пристанищем на Азовщине стал небольшой городок с диковинным названием Таганрог.

Он встретил нас утренней дымкой. Дома, улицы. Некоторые лавки уже были открыты. Некоторые – нет. Проез-

жая мимо Мужской классической гимназии (самой старой на всем побережье, основанной в 1806 году), мы увидели первые лучи яркого солнца, что умывалось в солоноватой воде мелкого моря.

Мы ехали уже дня два и сильно устали с дороги. Но всё равно первое, что мы решили сделать, – это искупаться в море. В июле оно уже довольно тёплое и ранним утром. Подъехав к самому морю, мы спрыгнули с лошадей. Животным солёная вода не понравилась, они, попробовав её, фыркнули и отошли прочь.

Иван Кузьмич купаться не захотел, сказал, что лучше он посидит, позагорает. И вот втроём – я, Эриксон и Пётр Алексеевич – мы нырнули в спокойные воды тёплого моря. Наш скандинавский друг не видал ещё ни разу таких морей и был приятно удивлён. Вволю поплавав и поныряв, мы вышли на уже нагретую, тёплую гальку.

Немного обсохнув, мы отправились искать ближайшую гостиницу. Местные жители оказались очень дружелюбны, и не без их помощи мы достаточно быстро нашли себе пристанище.

Для дальнейшей дороги нам необходимо было пополнить запасы. И на следующий день, утром, после плотного завтрака, мы отправились бродить по торговым лавкам, предварительно распределив, кто что покупает.

Побродив по торговым рядам, я решил открыть дверь

в лавку, вывеска которой сообщала: «Чай, сахар, кофе и другие колониальные товары». Только я переступил порог, как мой нос резнул резкий запах различных специй. Потерев нос, я прошёл к стене, на которой висели полки. На них стояло множество мешочков с приправами, чаем, зёрнами кофе и коричневым сахаром. Выбор был большой, и я решил, что куплю всё, что мне нужно, здесь.

Из двери, закрытой непрозрачным пологом, вышел человек, в меру высокий, в меру стройный, средних лет.

– Вам что-то угодно? – его голос был низкий, похожий на певческий.

– Да, добрый день, любезнейший. Мне бы хотелось купить у вас сахар, чай и вот эти приправы, – я показал рукой на несколько мешочков, стоявших в ряд.

– Всё что угодно, сударь, – пробасил торговец. – Вам всего этого в каких количествах?

– Здесь всё сказано, – я подал ему небольшой листок, на котором заранее всё расписал.

Торговец внимательно просмотрел список.

– Прошу немного подождать.

Кивнув в знак согласия, я остался около полок, а торговец скрылся в том же проёме, откуда вышел.

Я огляделся вокруг. На вид эта лавчонка не была слишком богатой. Даже наоборот, мне показалось, что её хозяйева сводят концы с концами. Но, несмотря ни на что, выбор товара тут был достаточно хорош. Радуюсь своему удачному выбо-

ру магазинчика, я присел на лавку, стоявшую в самом углу, почти напротив входа.

Тут входная дверь отворилась, и вошёл мальчик, лет десяти, с короткими волосами, в старенькой рубашечке и в не менее старых штанишках. В руке он держал портфельчик с блестящей бляшкой. Ручка портфеля была почти вся стерта и вот-вот должна была порваться. Быстро взглянув на меня, мальчуган скрылся там же, куда вошёл торговец. Скорей всего – подумал я – это его сынишка. Причём по возрасту торговца можно было предположить, что это не первенец.

Посидев ещё не много, я только подумал, что как-то долго не несут мне мой товар, как показался торговец. Торговец вынес довольно увесистый мешок.

– Вот, пожалуйста, – он поставил мешок передо мной.

– Сколько с меня? – спросил я.

– Пятьдесят шесть копеек.

Отсчитав требуемые деньги, я подал их торговцу.

– Благодарю вас... – начал я.

– Павел Егорович.

– Благодарю вас, Павел Егорович. Если ещё буду в Таганроге, обязательно Вас навещу.

– А так вы приезжий? – догадался Павел Егорович.

– Да, мы с моими спутниками путешествуем по побережью.

– Не нужно ли вам помочь донести покупки? – любезно предложил торговец.

Немного поразмыслив, я решил, что это было бы совсем не дурно.

– Да, было бы неплохо, – сказал я.

– Антоша! – крикнул Павел Егорович.

Из утробы лавки появился мальчик, что недавно пришёл.

– Антоша, кто у нас не занят?

– Все заняты, тятя, – ответил спокойным голосом Антоша.

– А ты что же: тоже, выходит, занят? – насмешливо спросил торговец.

– Я уроки готовлю.

– Ну ничего, позже доделаешь, а пока помоги господину донести поклажу.

Павел Егорович повернулся ко мне:

– Антоша поможет вам, вы только скажите, куда нести, – и он мигом. Всего вам хорошего.

– Прощайте, – ответил я.

И вышел из лавки. За мной, таща мешок, шёл Антоша.

На улице набирал свою силу день, получив эстафету от утра. Солнце стояло высоко. Мы шли потихоньку, не спеша. Антоша то и дело опускал мешок на землю и немного отдыхал. Груз для него, видно, был тяжёлым.

Так мы шли и шли, пока не прибыли в пункт назначения – гостиницу, в которой я со своими друзьями и остановился. Поднявшись в номер, я увидел, что никто из моих знакомых

ещё не вернулся. Антоша поставил мешок на пол и заторопился уходить. Он дышал так тяжело и устало, что мне захотелось чем-нибудь его отблагодарить. И я сказал:

– Знаешь, что, братец, ты отдохни немного, а потом пойдём-ка мы с тобой выпьем по большой кружке кваса. В такой жаркий день – самое милое дело!

Антоша изумлённо посмотрел на меня, видимо, с ним такое было впервые.

– А зачем это? – с удивлением спросил он.

– Тебе что: не хочется пить? – ответил вопросом на вопрос я.

– Очень хочется, – тихо ответил мальчуган и опустил глаза, как будто ему было страшно себе в этом признаться.

– Ну, тогда решено!

Мы покинули номер и спустились в трактир. Я, как обещал, купил по большой кружке кваса и Антоше, и себе, так как кроме кваса и чая не имел привычки ничего пить. Посидев в трактире, мы пустились гулять по улицам. Всё это время я задавал Антоше много разных вопросов, а он с охотой на них отвечал.

– Так ты, значит, в школу ходишь? – спрашивал я.

– Да, хожу. Прошлые два года я ходил в греческую школу, а теперь из неё ушёл.

– Что ж это ты так? – удивился я.

– Грек, что школу держит, злой очень, чуть что – сразу линейкой по голове или того хуже – в угол ставит, да не просто, а на колени и на крупные куски соли. Больно очень.

– А сейчас хожу в мужскую гимназию, – продолжил Антоша.

– Это та, что самая известная?

– Да, но она, мне кроме раздумий о том, правильно ли жить так, как мы живём, ничего не даёт. Грамоте-то я ещё в греческой школе выучился.

– Так ты и грамотой владеешь?

– Читать, писать, считать – обучен, – подтвердил мальчик.

– А живёшь ты с кем?

– С мамой, Евгенией Яковлевной, папой – вы с ним знакомы – Павлом Егоровичем и двумя братьями. Да ещё у нас в лавке живут двое пацанят – они из бедной фамилии – Андрюша и Гаврюша, они помогают нам.

– Отец-то у тебя строгий?

– О... очень... – с унынием сказал Антоша.

– У него такой голос низкий, командный.

– Он в церковном хоре поёт и нас с братьями заставляет.

В этот момент я посмотрел пристально на мальчугана, что шёл со мной рядом. Мне на миг показалось, что рядом со мной шагает не девятилетний ребёнок, а, по крайней мере, пятнадцатилетний юноша. Так взрослые были его фразы, так зрелы были его глаза.

Но вот уже солнце начало клониться к западу, а тени от домов и фонарных столбов стали расти. Антоша оглянулся по сторонам и заметил это. На его лбу появились морщинки страха.

– Ой, ладно, мне уже домой пора, – неуверенным тоном сказал он.

– Ах да, конечно, – ответил я. – До свидания тебе, авось, ещё когда свидимся.

– Только можно, перед тем как мы с вами расстанемся, я вам кое-что прочту, что ещё никому не читал? Это я рассказ написал. Можно?

Я был польщён таким доверием.

– Конечно, с большим удовольствием!

То, что мальчик умеет читать и писать, – не было для меня открытием, но то, что он ещё и пишет что-то своё... Я всегда думал, что пишут только взрослые писатели, но чтоб писал мальчик, которому девять лет. Хотя, конечно, я помнил, что на самом деле внутри этот мальчуган на много старше. Но всё же.

Мы сели на лавочку, которую прикрывал большой, великолепный дуб. Антоша вытащил из кармана несколько, сложенных вчетверо, листков и начал читать то, что было написано там большими и чёткими буквами.

Он читал недолго и, умолкнув, робко поглядел на меня. Я во все глаза смотрел на этого мальчика и не знал, что сказать. Он же, напротив, начал первый:

– Ну как? Не понравилось? – с готовностью спросил он.

– С чего это ты взял?

– Просто вы ничего не отвечаете.

– Братец, у тебя талант! – воскликнул я. – Я конечно не критик, но книг за жизнь прочёл достаточно.

Антоша покраснел.

– Да ладно вам, – смущённо произнёс он.

– Я говорю чистую правду, мой юный друг. И как только выйдет твоя первая книга, я непременно её куплю.

– Мне нечего сказать, – промолвил он.

– И мне тоже... – ответил я. – На этом нам, наверное, следует с тобой расстаться.

– Да, это правда, – прошептал он. – Следует. Прощайте...

– До скорой встречи, – улыбнулся я. И заговорщицки подмигнул.

Антоша поднялся и побрёл куда-то вдаль. Я тоже встал и воодушевлённый зашагал к себе в гостиницу. Но тут меня как молнией ударило: «А как я буду покупать книгу? Я же не знаю его фамилии!» Я обернулся и изо всех сил крикнул вслед удаляющемуся Антоше.

– Антоша!!! Как твоя фамилия?

Он оглянулся, и его звонкий голос пронзил века и там и остался:

– Моя фамилия – Чехов, Антон Павлович Чехов!..

18.09.2009

Моя Сказка

Вечерело. За окном уже начали зажигаться газовые фонари. Снег, что лежал по обочинам большой городской дороги, мягко поблескивал в их лучах. Я сидел и смотрел в даль, где, как мне казалось было светло, тепло и невероятно нежно. Эта сказка увлекала меня всё дальше и дальше, и я начал забывать где я.

Все вокруг преобразилось – стало светло как днём и я понял, что попал куда-то не туда, где был до этого. Предомной открылось нечто, чего я раньше не видал – это был мир на первый взгляд тот же самый, в котором я находился несколько минут назад, но нет это был другой мир – как будто потусторонний.

...Кровать, свеча, тумба, всё это я видел ранее – это была моя комната, в том мире, но теперь я здесь и это тоже моя комната.

Куда я попал? Я попал в сказку! Я попал в потусторонний мир, где сразу видно, какой человек – плохой или хороший, или он может просто запутался? Потерялся в пучине окутавших его жизненных проблем и погрузился в них.

Люди, люди, услышьте мой голос! Я говорю с вами, я вижу вас! Я хочу, чтобы это не было только моей сказкой, я хочу, чтобы это оказалось былью! – кричал я тем, кто остал-

ся там, в нашем мире, тем кого не пригласили в сказку, тем кто в неё не верит и вряд ли когда-нибудь поверит. Я кричал, видя их, но они, они так сильно оглохли, оглохли в первую очередь потому что сами желали этого. Слезы отчаяния покатались по моим щекам – мне так хотелось помочь им, но я был не в силах. Я хотел, чтобы они тоже увидели чудо, увидели Жизнь!

От бессилия я упал на колени и закрыл лицо руками. Почему? Почему? Почему? – вопрошал я. Почему вы не хотите проснуться, выйти из иллюзий, в которых живете? Почему?

В один момент я понял, что все это тщетно. Я лёг на снег – в эту лунную ночь он был не холодный, он окутал меня собой, и я лежал.

Я видел вокруг себя людей, они вроде и ходили, и дышали, но они не видели и не слышали – каждый шёл погруженный в себя, в свою иллюзию, в которой жил...

Звёзд на небе было не сосчитать. Я смотрел на них укутанный в самый тёплый плед, который можно было себе вообразить и тут одна из звёзд начала спускаться вниз.

Она летела, летела, летела. Её полет был таким долгим, но он был так прекрасен, что я смотрел на него как замороженный. Я ощущал будто лечу вместе со звездой, она приближалась ко мне, и я чувствовал её неповторимое тепло.

Сначала я почувствовал его кончиками своих пальцев, потом тепло стало продвигаться всё дальше и дальше по те-

ду и вот, когда оно полностью окутало меня, я понял, что... взлетаю! Я лечу! Лечу! Я летел на встречу звезде, я должен был встретить её, рассказать кто я и я летел...

...там в сказке, мы встретились. Я узнал Её сразу же, как она спустилась. Она ничуть не изменилась с тех пор, как мы жили там, наверху, очень высоко – откуда я пришёл.

«Ты плакал?» – безмолвно спросила она.

«Да» – ответил я.

«Почему?» – удивилась она.

«Это долгая история я расскажу и покажу её тебе как-нибудь позже, а пока, я хочу сказать, что скучал без тебя. Как ты?»

Она подняла голову и посмотрела на темно-синее небо. Её глаза наполнились слезами и в них отразились звезды.

«Я так долго ждала, когда смогу прийти к тебе!»

«Я тоже тебя ждал» – улыбнулся я. И обнял её.
«Не плачь...»

Мы стояли босые на снегу и наслаждались этими секундами счастья, понимая, что скоро они закончатся. Так и случилось...

...наша встреча произошла уже здесь, на Земле много лет спустя. Я узнал Её, когда увидел в толпе, большой толпе, сквозь которую она шла и каждая её грань отражалась во мне. Мы почувствовали друг друга, кинулись навстречу не замечая людей...

И тогда я рассказал ей ту сказку, мою детскую сказку, что

давным-давно увидел я. Свет и звезды, вот что окружало нас,
мы были нечто большим чем две половинки, мы были одним
целым...

Такова моя сказка.

28.12.2009

Рождественская история

В центре залы стояла большая новогодняя ель. Наряжена она была большими разноцветными шарами, мишурой и свечами, которые было принято зажигать в рождественскую ночь. На улице темнеет, значит, уже около пяти и значит до главного события остаются считанные часы.

Мама с бабушкой трудились на кухне, папа пошёл погулять, а меня уложили спать – сегодня пораньше, чтобы я выспался до Рождества и встретил его с остальными, но уснуть я не мог – всё ворочился в постели с боку на бок. Сон не приходил потому что не привык так рано.

Так лежал я, наверное, уже час, злился на себя, что не могу заснуть, весь взмок. Наконец, не выдержал и решил встать – пойти позвать маму.

В доме было тихо-тихо, только снизу из кухни доносились звуки. За окном шел снег и было темно, часы пробили шесть раз... И тут меня что-то потянуло ещё раз взглянуть на ёлку. Это желание было так велико что, я не мог ему сопротивляться. Подойдя на цыпочках к большим белым дверям, я заглянул в замочную скважину – зал был пуст, и только ель стояла такая нарядная – блестела мишурой на ровном лунном свете.

Приложив руки к створкам, я нажал на них. Двери – большие старинные поддались мне и с небольшим скрипом от-

крылись внутри, мне в лицо хлынул поток воздуха, который нёс в себе запах ёлочной хвои – непередаваемый и сказочный. Моему взору открылась безмолвная нежная тишина.

Я мальчик семи лет в белой до пола ночной рубаше казался излишеством всего этого, но каким-то чутьем я ощущал – что-то должно произойти. Переливы ёлочных шаров и мишуры казались неслучайными – они как будто говорили с кем-то незримым. Затаив дыхание я, осторожно ставя ноги, подходил, всё ближе и ближе к ели, пока не оказался у самой хвои и не почувствовал, как легонько кольнуло руку.

В большом красном шаре я увидел своё отражение. Оно показалось мне немного смешным – растрепанные волосы, веснушки на носу, оттопыренные уши... Шар колыхнулся, на мгновение я потерял своё изображение из виду...

Произошло, что-то невероятное! Теперь я стоял не в большой зале у себя дома, а где-то на широкой заснеженной равнине, вдалеке виднелся большой бревенчатый дом, из трубы которого шёл дым, в окнах был виден желтоватый свет.

Без тени сомнения и ощущения холода я отправился к дому. Я шёл и шёл, а дом все приближался и приближался и вот я мог уже разглядеть его в мельчайших подробностях. Рядом с домом росла большая ель – она напоминала мне нашу – такая же пушистая, только в несколько раз больше. На ветвях её мирно покоился снег.

Переведя взгляд на крыльцо дома, я увидел на нём большого деда с добрым улыбающимся лицом. Белая, как снег,

борода спускалась до самого его живота. Он стоял в шубе до пола, махровых рукавицах, шапке, его талию перетягивал пояс.

Как я обрадовался ему! Не помня себя, я побежал навстречу. Он сел на корточки и распростер свои руки, как бы готовясь обнять меня. Добежав, я упал в его объятия, а он сильно-сильно прижал меня к себе.

«Я всегда знал, что ты есть!» – воскликнул я.

Его улыбка стала ещё шире, ничего не говоря он провёл меня в дом. Там было тепло и уютно, пахло чаем с чабрецом и конфетами. И только сейчас я понял, как замерз и продрог. Дед Мороз налил мне горячий напиток в самую, как мне показалось, большую кружку и посадил меня в кресло около огня – большое, большое и тёплое. Кружка с чаем быстро согрела мои промёрзшие руки, а когда я сделал глоток – всё тело. Как было хорошо!

Вдруг Дед Мороз хлопнул в ладоши и в тот же самый миг начали бить часы – двенадцать!!! Рождество! Рождество!

Тут же всё смешалось, закрутилось и стало исчезать, а образ Волшебника всё удалялся и удалялся и в конце концов вовсе потерялся во времени, но до сих пор не угас в моём сердце, живя там по сей день...

...маленький мальчик семи лет от роду мирно спит в своей мягкой и тёплой постели, сжимая руками подушку. Вот уже и Рождество, а он спит и не хочется его будить, и не надо. Он встретил Рождество ещё сказочнее, чем вы могли бы

себе представить...

31.12.2009 (20:51)

Шутник

(мистическая комедия)

Здравствуй, здравствуй, друг мой дорогой!

Пишу тебе по твоей же просьбе и величайшему на то повелению. Итак, как и обещал я тебе, повествую ниже сию историю.

Началось всё с того, что встретил я на базарной площади своего давнего приятеля, Варфоломея Ивановича. Он, как и всегда, был обременён своею работою, но, завидев меня, решил перекинуться парой слов с твоим покорным слугой.

Итак, надеюсь, ты готов узнать, что услышал я из уст моего приятеля...

Несколько недель тому назад в город N приехал человек по имени Василий Хромов. Поселился он в самой что ни на есть дорогой гостинице, с самою большою платой за номер. Сразу по приезде и устройству в гостинице, он наведалься к городному и имел с ним долгий разговор. Как говорят, беседа эта, закончилась дружескими лобзаниями и тёплым рукопожатием, а также тем, что Василий Хромов внёс в городскую казну пожертвований на сумму S (говорят весьма и весьма внушительную). После этого Василий Хромов отправился в церковь и говорил с настоятелем, отцом Иосифом. Разговор на этот раз оказался более высок в тонах и несколько раз заканчивался, но потом вскоре начинался

ВНОВЬ.

Несмотря на это, господин Хромов вышел из церкви довольный и весёлый.

Интересно то, что к вечеру повсюду висели объявления и плакаты о том, что в городе будет устроено не виданное доселе зрелище. Якобы Великий человек (как звать их, не говорилось) произведёт то, что до этого только снилось. И далее всё в такой же неопределённой форме. Вход 20 рублей, что, как ты знаешь, мой друг, деньги немаленькие.

«Зрелище» это было намечено провести на большом пустыре рядом с городом. По этому случаю главную площадь, по велению городского, перенесли сюда. Об этом при входе возвещал плакат, имевший следующую надпись: «Главная площадь, со всеми вытекающими отсюда последствиями, перенесена сюда для выступления Великого человека».

Когда собрался чуть ли не весь город, оказалось, что пришло человек: шесть с половиной тысяч.

Темно, ни звука, все притихли – ждут чуда... На сцене или, правильнее сказать, на манеже что-то происходит. Это слышно. Потому что скрипит, бречит что-то. Это видно.

И тут вспыхнули огни, грянул оркестр. И все увидели в центре дивную машину. Но не ту, что ездит, а ту, что производит опыты. В динамиках раздался голос диктора: «Великий человек, учёный, испытатель Василий... Хромов!!!». Голос сменился фанфарами, а на сцене появился наш знакомый герой. Он поклонился, взял микрофон и объявил:

«Очень рад всех видеть здесь. И сейчас мы проведем невероятный эксперимент: мы отправим зрителей в будущее!». Трибуны заорали от восторга. Всем хотелось в будущее, все хотели его увидеть.

Но оказалось, что отправят не всех, а только трёх человек. Это из шести-то с половиной тысяч! Шанс был не велик, но хотели все. Учёный Хромов добавил: «По понятным причинам – трибуны затихли – одними из трёх будут городской и ваш покорный...» Люди не дали ему договорить и подняли неодобрительный ропот. Василий Хромов мило улыбнулся и успокоил зрителей: «В недалёком будущем все смогут там побывать! И воплотится мечта каждого! Мы дубем... тьфу, будем! Будем процветать, зная всё! Каждый – повторяю – каждый будет знать будущее! Люди! Люди! Вот что нас...».

От его речи все притихли, ропот исчез. Он говорил так воодушевляюще, что у особо чувствительных проступили слёзы, а остальные вообще плакали. И падали, падали, падали! От нервного смеха – третьи.

Все осознали, что отправиться может только тот, тот один, кому повезёт. Но как надо избрать счастливого? А вот это и было апогеем терпения зрителей. Как?

Оказалось, зритель, достойный отправиться туда, должен был быть идеальным человеком, чтоб не опозорить наше поколение там, в будущем. Кстати, как на грех, ни у кого не вызвало подозрения, что маленький, щупленький, вороватый старикашка мэр вовсе не идеален. В аккурат, так как идеал

не нашли, решили, по старинке, тянуть жребий. Пока, значит, выдавали спички, прошло часа два, потом ещё два часа тянули. Потом ещё два часа, когда не нашли короткую...

В конце концов, когда дело было уже далеко за полночь, после нескольких драк, стычек стенка на стенку, разделения на враждующие лагеря с установлением палаток и выдачей горячего питания, выбрали. По неимению более идеальной кандидатуры решили, что в будущем интересы горожан будет представлять собачка госпожи Белкиной.

Светало... когда выяснилось, что ни трибун, ни машины времени, ни «Великого человека» Василия Хромова давно нет... А есть только пустырь и нет ни прошлого, ни будущего...

Вот так вот, дорогой мой друг. И такие чудеса бывают. На том прощаюсь. С низким поклоном, твой старый друг N.

07.02.2010

Бутерброд

Вот передо мной лежит бутерброд или бутерброт (он про-сится в рот!)? Хм... Интересно, вот написал и не знаю: как правильно. Ну ладно.

Начнём так: Вечером, часов так ближе к двенадцати, я си-дел за столом в (или на?) кухне, а передо мной лежал бу-терброд. Ломтик хлеба с лососевой икрой в майонезном со-усе. Знаете: такая в баночках продаётся, пластиковых или стеклянных. Вот лежит он целый, прямоугольный, даже есть жаль, но надо.

– Эй, позвольте, то есть, что значит «надо»? Это же не срочная работа, а еда. В ней нет слова «надо», в ней есть «хочу» или «не хочу».

– Хорошо. Но хочется. Так устроит?

– Вполне.

– Интересно.

– Что?

– Слово *вполне* – в полноте, пóлно. Ну не важно. А вот уже и не целый.

– Кто?

– Бери проще: Что. Бутерброд. Уже правого уголка нет, есть только полукруг, такой средней величины, с очертани-ями зубов внутри.

– Но позвольте, а где же угол?! Ааа... Понимаю, угол уже

исполняет свои прямые обязанности.

– Совершенно верно.

– Приятного аппетита.

– Благодарю покорно. Кстати, слово *благодарю* – интереснейшее слово – я должен – ну хорошо, могу – заметить. Благо дарю – дарю благо. Великолепно, согласитесь. О, я вижу, что уже и второго уголка не видать? Вы быстры. А чем записать? Что у тебя сегодня? М? Квас? Прелестно.

Вот он стоит – в полиэтиленовом пакете желтоватого цвета, в ведёрке из-под майонеза – в холодильнике.

– А стакан?

– Прошу: в навесном шкафу на второй полке, так как на первой разместились тарелки. Стоит вверх дном. Ввиду того, что так легче сушить после мытья.

– Действительно. Замечательно.

– Как раз и стакан уже наполовину полон.

– Или пуст.

– Ну конечно, или пуст, как кому будет удобнее. Хотя это уже не важно, потому как я его уже налил полностью и уже наши разногласия, что были прежде, себя, мне кажется, исчерпали.

– Но постойте, не забывайте, что те разногласия мучают людей уже не одно столетие.

– Это не важно, главное, что сейчас я уже налил стакан, и он точно полностью полон.

– Помните только то, что, отпив из него, вы возобновите

спор, сведя нас в равном поединке, опять на века.

– Да, действительно. О, уже только полбутерброда.

– Да?! Ну и ну.

– Да, вот так быстро. Ты, кстати, как думаешь, насколько понятие «быстро» растяжимо?

– Ты, дорогой мой, задаёшь вечные вопросы.

– Но они действительно важны.

– Да, важны. Но отнюдь – мы сейчас на них ответим.

– Согласен, но занимателен уже сам факт.

– Их существования?

– Именно.

– Ну как квас?

– Ой, хорош.

– Хорош? Ну, славно.

– Холодненький.

– Хм.

– Пойду поставлю остатки в холодильник... Всё – поставил. О... Быстро бутерброд-то идёт, остался кусочек на последний ам.

– И его уже нет.

– И стакан опустел. Стоп, тише, что это? Неужели... ааа...

Точно, это колокола, слушай, слушай.

– Уже, значит, двенадцать.

– Да... Только в двенадцать город тихнет настолько, чтоб можно было слышать бой колоколов...

Сказочно.

Встаю. Два шага. Протягиваю руку. Щелчок. Свет погас.
А с ним и разговор.

И только звуки колоколов так и вторят удаляющимся, всё
утихающим шагам.

03.04.2010

Лето пришло!

– Вот туча, а вот солнце.

– И что?

– Лето. Оно идёт, пришло.

– А туча?

– А туча ушла. Солнце осталось.

– Хорошо?

– Хорошо.

(один разговор)

И действительно, лето пришло! Вот уж и не ждали! Точнее ждали, но не ожидали, что так скоро. А кто не любит лето – есть такие люди? Я уверен, что да. И, слава Богу, что есть, а то было бы не интересно. Все любят лето, и никто не любит зиму, или наоборот. Вот скукотища-то была бы. Но, на радость всем, это не так. Вот, кстати, с чего начиналось лето? С опрессовок! «В городе опрессовки, в городе нет воды, город ходит грязным». Но это с виду, а на самом деле? На самом деле, лето начиналось с июня. Хотя нет, это тоже с виду. Так с чего же начиналось лето? Может, с бабочек? С солнца? Воды? Камней? Комаров? Нет! Лето начинается с мысли о лете! С предвкушения лета. На худой конец, с сожаления о скором приходе лета. Страха или радости лета. С любви или ненависти к лету. У каждого со своего. Кто-то не определился. И так далее.

Но всё же оно начинается! Уже началось! Весна кончилась, зима кончилась, осень кончилась. Настало лето. Ура! (самое уместное здесь восклицание).

И всё. Конец (не лета – размышлений).

06.2010

Человек, который распускает крылья утром на рассвете

И вот рассвет.

Солнце село на вершины деревьев,

А значит, в путь пора!

Я распускаю крылья утром

На рассвете

И поднимаюсь ввысь.

Поближе к облакам,

Подальше от земли.

На встречу солнцу.

Полёт сей морю чёрному подобен:

Порой спокоен и красив,

Порой надменен и суров.

Я поднимаю крылья над облаками,

А сам лечу, касаясь крон деревьев.

И чувствую собою небо, не отрываясь от земли.

Я вижу горы:

Горы спят, лишь изредка похрапывая лавой.

Я вижу поле – не одно:

Они,
Оно,
Они мелькают предо мной в заре.
И вижу синий океан:
Он грозен, но не мрачен,
И пеной белою взметает ввысь свои он воды.
Он прекрасен!
Я вижу страны, континенты —
Они мелькают, как во сне.
А я лечу...
Я не во сне —
Калейдоскопе мчусь столетий...

Я распускаю крылья утром
На рассвете
И поднимаюсь в облака...

14.06.2010

Идёт экзамен

Тихо! Идёт экзамен. Все замерли. Из аудитории доносится слегка приглушённый голос первого «счастливца», сдающего свой первый экзамен. В школе тихо, очень тихо. Почти никого нет. Перед классом-аудиторией, слегка приникнув к приоткрытой железной двери, прислушиваясь, стоит завуч. По лицу видно: она волнуется не меньше (если не больше) всех здесь присутствующих. В руке у неё какие-то бумажки, но она их как будто не замечает – держит невзначай.

У класса стоит парта, «смотрит» на него; рядом три стула. На одном сидит девочка, полновата и округла, – тоже готовится к экзамену. Постоянно что-то шепчет себе под нос и заглядывает в бумажки, что лежат у неё на коленях.

Через стул от неё сидит женщина – мама одного из сдающих. Рядом с ней – у стула – рюкзак, на стуле – книги и папка с бумагами. Книга сверху – стихи М. Волошина, что пониже – В. Маяковского, папка – реферат по истории.

Сейчас можно обратить внимание на что-то из ряда вон выходящее. Еле слышные, разносящиеся по коридору шаги: ещё один сдающий – ученик-заочник. Ходит по коридору по овалу. Осторожно ступая по гладкому линолеуму. Тихо-тихо. Все замерли, но только для нас. На самом деле, они продолжают делать то, что делали. А мы покидаем этот эпизод. И... ш-ш-ш! Тише! Идёт экзамен.

17.06.2010

Мы смотрим друг другу в глаза

Я перед вами, а Вы передо мной. Мы смотрим друг другу в глаза. Я вижу Вас. Не знаю, что видите вы во мне. Но знаю, что вижу в Вас я.

Что там? Что там, в глубине твоих глаз, Россия? Что? В этих голубых – глазах неба? В этих коричневых – земли? В этих глазах света?

Вот что вижу я. В тебе. В твоих. В тебе. Как много <в>. И не случайно – надо же понять тебя, себя. В тебе – миллионы, во мне – я один. Ты бедная мученица – Россия! Хочу любить тебя – люблю, не потому, что так хочу, а потому, что не могу иначе.

Надеюсь, каждый из твоих миллионов посмотрит на тебя и поймёт, как понимаю я, или больше и глубже, или мельче и скуднее, но поймёт! Хотя бы самую малость. И я буду думать, что я самый счастливый. Конечно, для себя счастливый. Я, как жажду утолить, хочу помочь тебе. Не более, не менее. Чем имею, чем располагаю, чем могу.

19.06.2010

Давайте

Давайте веселиться! Давайте забудем обо всём! Кто мы, что мы (на худой конец). И всё: и не будет нас, не будет тебя и тебя, вот тебя, человек, и тебя, человек. А мы будем веселиться, мы будем танцевать! Ведь на это большого ума не надо. Все равны.

Играть в мяч, петь песни, курить, пить, материться. Не надо думать, не надо переживать, размышлять, всё только хихикать и хахахатъ. Прикальваться, гордиться своими пороками – и это считать настоящей жизнью.

Как далеко мы катимся. Туда, куда идёт человек, его не мог послать сам дьявол. И это за сто лет. Русский народ, люди, человечество. Всё это смешалось во единый ком и катится, скатывается, дальше, чем в конец всех концов. Куда? Куда? Мне кажется, что лучше даже и не знать. Потому что жить с этим всё равно не получится.

Люди, почему вы так далеко ушли? Зачем? Почему?

...А рука трясется, трясется, с конца пера упала капля, но нет её на листе бумаги, она прошла насквозь, ушла сквозь бумажные поры, растворилась. И, как и не было. Отнюдь, всё так.

...«Я умер, я стал строками книги»...

26.06.2010

Пловец

Закат. Солнце раскидало свои лучи. Легли они на тёмную гладь воды, отразившись в лёгких волнах. Шаг, ещё шаг и ещё. Уже берег, песок. Лёгкие дуновения от проходящей воды. Я наполняю грудь воздухом, выдох – пора. Бегу по воде я, почти лечу, всё происходит мгновенно, мои ступни лишь изредка понимают прикосновение озерной глади.

Нырок. Головой вперёд. Погружаюсь – каждая моя клеточка наполняется свежестью и влагой. Я начинаю ощущать, я начинаю понимать то, чего доселе не ощущал, чего доселе не понимал. Я там, точнее, тут – я здесь. В воде.

Вдох

Выдох

Вдох

Выдох

Вдох

Выдох

Вдох

Выдох

Гребок

Нырок

Толчок

Вперёд

А перед нами солнце село на самые пики гор...
Обжигающий лёд...

А мы
опять
как
в прошлый раз.

Мне опутывают ноги тысячи щупалец проклятых водорослей. Они цепляют, обвиваясь, статируют. Я вырываюсь и плыву дальше, вперёд!

Рука взмывает вверх, и вторая, и обе.

И всё равно.
Я плыву.
Я живу.
Я пловец!

28.06.2010

Земля была суха

Земля была суха. На протяжении уж стольких дней. И столько же дней к ряду в воздухе висел запах дождя и сырого леса. Откуда он брался? Понять никто не мог. Все только обречённо вздыхали под напором удушающей духоты. Небо было затянуто серыми тучами – не было ни одного про света. Солнце светило – если можно назвать светом то, что проникало из-за туч, – но духота стояла невыносимая. Радость тепла терялась, и хотелось холода.

2010

Попрыгун (Прыгающий по облакам)

Зелёная трава окружает меня, я поднимаю голову вверх: в небе облака. Ощущаю воздух – во мне полёт, я поднимаюсь – лечу вперёд.

Зелёный выюн – наверно, боб – словно в сказке меня несёт. Или нет. Это я сам? Поднимаюсь, иду в полёт. Вижу землю, в ней меня. Понимаю: я – часть всего вокруг. Вот и облака окружают меня, опускаю голову вниз – там зелёная трава.

Наконец-то я здесь, облака как вода – белый снег. Большие горы, вздымающиеся волны, океаны и море. Белые круговерти земли.

А я хожу по ним, я летаю над ними, я прыгаю в них как на большой и мягкой перине. Вон солнце, оно высоко, намного ниже, чем можно было бы себе представить.

Отблески лучей в паровой воде, прямо у меня на лице.

Уже весь мокрый – не беда, я хочу на землю – хоть куда. Поднимаюсь выше – ярче солнечный свет, а хотел ниже – нашёл ответ.

Всё выше вверх – тут тишина, а ещё выше? – Она не одна...

Я попрыгал на облаках, я поднимаюсь дальше.

...А рядом со мной на травинке божья коровка распускает крылья...

06—07.07.2010

Надежда на горе

Тусклый свет аллеиных лампад. Как длинный коридор. Растут деревья. Лёгкие дуновения ночного ветерка. Луна. Звезды. Тени листьев на ладони человека. Скамья. Посередине аллеи. Рядом – фонарь с округлым плафоном. Мотыльки, комары и мухи – им будто бы неведом солнечный свет. Насмерть они бьются о стеклянное светило. И всё зачем?

Это был с виду юноша. Он сидел тихо на грязной уличной скамейке. Голова была опущена так низко, что почти касалась колен. Его правая рука была вытянута, на неё падал его тяжелый и усталый взор.

Тени, тени всего вокруг – они встали и падали на ладони. Юноша был жив, но только изредка напоминал окружающему себя миру об этом: водил ногой и шоркал ей о мокрый, грязный асфальт. Этот звук, появляясь, исчезал, рождаясь, отправлялся в вечность.

Вот рядом по дороге промчался автомобиль. Горя фарами, он появился, ревя мотором, и исчез, нарушив ночную тишину.

Молодой мужчина, очнувшись, поднял голову и опять опустил её, поняв, что это всего лишь машина нарушила его тишину. Он спокойно и смиренно взглянул на небо. Глубо-

ко и тяжело вздохнул и упал всем телом на деревянную поверхность скамьи. Рукой закрыл он глаза от назойливого света фонаря и легким ветром выдохнул в небеса. Маленькой струйкой вышел воздух из его рта.

Он поднялся, сел. Опять, ну что же с этим поделать. Уж хочется сказать: «Ну встань же! И сделай шаг». Но нет, он сел, обремененный. И сидит.

«Встань и спаси же мотылька, что также с горя стучит о мутное стекло своею головою».

И слышен звук и обозрим он.

...А ночью лучше виден запах рокового горя.

18.07.2010

Кадр из

Эти двое занимаются. Чем? Знаете, если я скажу, никто не удивится.

Так вот, эти двое людей, на вид мужчина и женщина (что внутри – не знаю) занимаются любовью.

Сами понимаете: «заниматься любовью» – это значит, что любви нет у них. Они ей зани *маются* в этот момент – телами.

Похоже, происходит всё в комнате старинного замка.

В один момент мужчина прекратил, встал с кровати и пошёл. Его мужские возможности в момент исчезли. Провалились в дыру. Появился вариант обычный – робот.

Он шёл вперёд. Появившаяся на нём одежда сначала была как в невесомости, и только потом повисла на его теле. Рубаха. Штаны. Пиджак. Ботинки.

С лицом, как будто из ресторана, – довольно равнодушно-го стиля – он принимается причёсывать волосы-железки.

Женщина продолжала сидеть на кровати, слева от неё – одеяло, скатанное в рулон, вверху – подушки. Она на коленях. Вопросительно-равнодушно-агрессивный взгляд в сторону мужчины, вернее – робота, подобного ей.

Ухмылка.

В левой части пространства – он, в правой – она. Разделение пополам.

Части начинают уменьшаться, превращаясь в два маленьких квадратика на светло-сером фоне. Квадратики (один ниже, другой выше) в рамочках связаны белой линией.

20.07.2010

Кто такой Максимилиан Волошин?

Если я скажу, что это Человек, Человек с большой буквы, то, возможно, этим всё и будет сказано, а, возможно, этим не будет сказано ничего.

Одно можно с уверенностью утверждать точно, что его обычные характеристики на обложках книг: «Выдающийся поэт и переводчик, блестящий литературный и художественный критик, замечательный художник» – всё это не более чем обычные «стандартные» клише.

Волошин всегда был чем-то большим, чем-то другим. Больше, чем просто поэтом, просто художником, переводчиком и критиком. Он был, наверно, Просто Настоящим Человеком. Который чувствовал, переживал, любил. Был ясен в своих мыслях. Максимилиан Александрович не просто пытался сделать лучше мир вокруг себя, он держал ответственность за отведённый ему участок и с мужеством облагораживал его. Но прежде – перед тем, как начинать помогать развитию мира вокруг, – он осознал необходимость собственного развития.

С одной стороны – носитель идей Рудольфа Штайнера, с другой – внутренне свободный человек, не зациклившийся на чьём-то мнении. Антропософия Волошина – это прожитое им, понятое в исключительно личном ключе, учение, которое не было над ним, – оно было им, в нём, в его сути.

Я думаю, что поэтому можно говорить о том, что стихи, картины, которые он писал, не были простым набором красивых, лиричных, порой резких слов, или разноцветным набором мазков кисти – нет. Это всё было до мельчайших подробностей продуманным, символичным и выверенным творчеством понимающего Человека. Что от строки к строке, от звука к звуку, буквы к букве, метафоры к метафоре, образа к образу, от линии к линии, силуэта к силуэту, отражения к отражению вело читателя и зрителя к неким новым граням познания. Осознания, понимания и, в конечном итоге, – к действию – самосовершенствованию.

Многие годы Волошин провёл в Париже, в Европе. Он был воодушевлён столицей Франции. Любил её. Но как только в России зародилась смута, он, позабыв о Париже, поспешил на родину, чтоб вместе с ней пройти, прожить, вынести все невзгоды и ужасы. Тот весёлый парижанин Волошин, выдумщик, остроумец, как его описывала Марина Цветаева в своих воспоминаниях, он становится, погружённым в себя наблюдателем. Он с невероятным мужеством и достоинством проходил через беды, посланные России, проживая их как свои собственные. Оставшись с ней на время беды, он остался с ней навсегда...

Его душа рвалась на части, когда народы Европы вступили на путь бесчеловечной войны. А после, когда люди одной, самой дорогой для него страны, люди, которых он любил как своих братьев, каждого в отдельности, стали убивать

друг друга, ополчились каждый на каждого, убивали своих родных ради призрачных идей. Это было для него ещё более ужасно и мучительно.

Когда у человека умирает очень близкий ему человек, это ранит его в самое сердце, а когда у человека умирает сразу много близких людей, то в какой-то миг, когда боль от своей громадной силы притупляется, человек перестаёт чувствовать самого себя.

Максимилиан Александрович говорил: «Ни война, ни революция меня не испугали и ни в чём не разочаровали; я их ожидал давно, и в формах более жестоких». Эти слова подчёркивают сверхчувствительность Волошина, его глубокое понимание, ощущение и переживание мира, в котором он жил и творил.

Его стихи – это яркое отображение человеческой Жизни с большой буквы. Душевной и телесной, проживаемой одновременно и в то же время – порознь.

Его телу, сильному духом и душой, пришлось уйти так рано (хотя сколько при этом он успел содейть!), верно, в силу трудных испытаний, которые накладывают большой, осязаемый отпечаток на храм человека – его тело.

«Близкий всем, всему чужой», Максимилиан Александрович Волошин, уйдя, «Стал строками книги», дом его – «Дом Поэта» до сих пор «Открыт навстречу всех дорог», и это только утверждает меня в мысли о том, что Максимилиан Александрович стал истинным «Мастером».

13.08.2010

Одни

Они были одни. Приглушённый свет озарял небольшую комнатку.

Юноша и девушка. Они открыты. Он ей. Она ему.

Легкий трепет и нежность – бьются сердца.

Мягкий поток – тёплый шёлк постели.

Встреча их рук – он осторожно, как бы боясь потерять, скользнул кончиками пальцев по её линии жизни, обнял рукой руку.

Тихое соприкосновение взглядов – они проходят в самые сердца сердец, души обоих, оставляя за собой ленту Млечного пути, серебряного сверкания светил вселенной.

Дуновение неба, единение силы – юноша коснулся своими губами губ девушки. Мир преобразился для них обоих, они почувствовали суть друг друга – их общую суть.

Они вместе. Они едины.

Они сошлись. Сияние света.

Изумрудно золотое.

Они слились.

И не расставались больше никогда.

Они одни, друг друга видят,

Они одни, друг друга слышат...

...соединяясь в общем Я,
Познали истину свободы.
Они,
Отныне сохраняя целостность себя,
Навеки вечные едины!

20.08.2010

Грустно осознавать, что всё имеет конец

Грустно осознавать, что всё имеет конец. Но это с одной стороны. А с другой – понимаешь: не было бы конца, не было бы и начала. Всё взаимосвязано. Правда, от этого лучше не становится.

Что же это? Неясно. Вероятно, ожидание будущего. Неизвестно, что будет в следующую секунду, а тем более, неизвестно, что будет в долгосрочном будущем.

Это, может, и хорошо, но, может, и не очень. Вот он вечный вопрос: а интересно было бы жить, если бы мы знали, что будет? Ответ – нет.

В любом случае, когда не знаешь, то просто страшно. Поёжился и замолк. Хех.

05.09.2010

Небо

Небо было удивительным. Ярко-голубое над головой, оно гармонично переходило в бледно-розовое и возвращалось назад, как будто художник-виртуоз писал свой пейзаж акварельной краской на влажной бумаге, легко касаясь кистью то белёсым, то сероватым цветом, то сразу несколькими, перемешанными друг в друге.

Бури, песчаные вихри, речные потоки, расходящиеся рукава белоснежной воды – тут интенсивны, тут более прозрачны – вливаются и выныривают, закручиваясь в спиральные ветры.

Как будто у художника для солнца не хватило яркой краски. И оно так и осталось сегодня смотреть на нас нежно-лимонным ароматом.

Всё – сокрытое снаружи – понятно, открыто внутри. А пушистые перья крылатых облаков уплывают вдаль, оставляя за собой воспоминание вечности...

05.09.2010

Тёмное

Тёмное пасмурное утро. Грозовые тучи в этот день нависли над городом и всеми силами давили на него. Их серая суть, опав на низлежащее пространство, всё непостижимей пыталась его сомкнуть.

У дома, может, высокого, но, вероятнее всего, лишь жалко маленького, сидел человек. Его голова была смиренно опущена под невероятным давлением окутавшего его раскаяния.

Перед ним лежала шляпа. Потёртая, помятая, испачканная. Она олицетворяла город.

В ней лежали деньги, много денег. Своим зловонным смрадом они заражали окружающий мир. Пачки, кипы, горы денег – не счесть.

Человек раздавал их. Он был богат, но при этом неизменно беден.

Проходившие мимо люди охотно брали то, что лежало в шляпе. А получив то, зачем этот несчастный гонялся всю жизнь, растворялись в серой мгле. Становилось всё темнее.

С каждой купюрой, уходившей прочь, человек всё больше умирал. Он никогда никому не был нужен. Терзающая, рвущая его на части боль, воплощала в себе искупление греха. Кончина была предрешена, он это знал...

И всё проходило, скрываясь за крупными мазками кисти

всевышнего Художника. Вихрь драмы, начатый прошедшим временем, утихал. И хотелось верить, что это только сон.

16.09.2010

Мальчик

*Далёкий-далёкий континент. Далёкий потому,
что не родной...*

...нет, его никто не спрашивал: хочешь или нет. Его, маленького мальчика из провинциального детдома, просто взяли, посадили в самолёт и увезли. Ему сказали, что он будет жить отныне в семье. У него будет мама и папа. Мальчик ждал это. Он – бедный – мечтал, когда это наступит, всю свою жизнь. Все четыре года.

Как он оказался в детдоме? Он не знал. Ему только говорили, что он сирота. Что это такое? Сирота? Когда один? Со всем один? Значит, он сирота с рождения.

И вот он летит на самолёте – туда, далеко, за океан. На машине с крыльями. Железными крыльями – как это странно...

Его новый дом, его семья, его мама, его папа. Так это они? Это те люди, что отдали его, беззащитного, маленького туда, (взгляд) в то здание, где много, очень много таких, как он? Но зачем? Почему?..

– Мама! – он не знал, что ещё сказать. Он кинулся на шею этой женщине. «Так вот она, мама!»

Но она отстранила его от себя, не дав даже дотронуться. В её взгляде читалось сильное недоумение и (О, неужели? Почему? – мелькнуло у мальчика) лёгкое омерзение.

– What he told?¹ – спросила она у стоящего рядом мужчины.

– I didn't understand, it likely in Russian², – ответил он.

Боль пронзила маленькое тело. «Я ей не нравлюсь? Почему? Чем я ей не нравлюсь? Я так люблю её, я так любил её всю свою жизнь».

Мальчик оглянулся на мужчину. И с неверием в голосе тихо прошептал:

– Папа?

Но тот не обратил на эти слова, которые, на самом деле, уже были воплем отчаяния, никакого внимания и спокойно, как ни в чём не бывало, сказал женщине:

– The boy doesn't know English yet, he needs a time. At first he should be cleaned³.

В глазах всё плыло, рисовались странные узоры. Вот синий цвет – он, перетекая в жёлтый, становится розовым; вот оранжевый – и вдруг: фиолетовый, белый, пурпурный, коричневый. Все они, кружа в водовороте, как созвездия галактик, были и тем, и этим. Они все, они ничего, они здесь,

¹ Что он сказал? (*англ.*)

² Я не понял, это, наверно, по-русски. (*англ.*)

³ Мальчик ещё не знает английский язык, на изучение понадобится время. А сейчас его надо помыть. (*англ.*)

и они там...

...Крошечные слезки медленно, мерно скатывались по маленьким щекам. Мальчик сидел в уютном уголке за большим, древесным шкафом, в окне был виден бездушный, зелёный газон. Его стригли, поливали, лелеяли. На нём нельзя было бегать. Маленький человек плакал. Чтоб никто не видел, и никто не слышал. Их это раздражает. Они кричат, ругаются. «Зачем я им?». За шторой светило солнце. Оно вроде такое же, как и там, за перелётом, там, откуда он. Под этим солнцем он прыгал на лужайке, когда их выводили гулять. Маленькие букашки сидели на длинных травинках, росших повсюду. Песенка кузнечика, радостно стрекочущего на скрипочке, разносилась повсюду. Как тепло и весело. Было...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.